

С.А. Шубина
сопредседатель ОО АКЭОН «Возрождение»,
куратор-методист,
г. Алматы

Действительность убила во мне последнюю ноту

Прошло уже 39 лет с того момента, как имя композитора, музыкального педагога Оскара Венделиновича Гейльфуса было предано анафеме, было сделано все возможное, чтобы оно было забыто. Но почему? Давайте мы поговорим об этом человеке, талантливом представителе нашего народа. Кто-то вспомнит его, кто-то впервые откроет для себя его имя.

Гейльфус (Geilfuß) Оскар Венделинович родился в 1933, в Эльзасе, близ Одессы. Его прапрадед Адам Гейльфус в далеком 1806 г. переселился в Россию из Баден-Бадена. Отец, Венделин Гейльфус, был органистом и его первым учителем музыки. По словам однокашника Гейльфуса, Бакира Баяхунова, с которым мне посчастливилось пообщаться накануне конференции, он долго не мог поверить в то, что отец Оскара когда-то был музыкантом: «Он производил впечатление обыкновенного рабочего». Подтверждало этот факт только то, что во время учебы Оскара сильно чувствовалось, что еще в юности Гейльфус обучился игре на скрипке и фортепиано. В 1944 году семья будущего композитора была переселена оккупационными войсками в район Познани в Польше, а год спустя репатриирована Красной армией и выслана в Казахстан. С 1945 года семья жила в Казахстане. По стечению обстоятельств Оскар Гейльфус проживал на одной улице с Герольдом Бельгером. Их обоих единили схожие судьбы. Они одновременно шли наперекор несправедливой судьбе и добивались своего. Оба, преодолевая препоны, лелеяли желание получить высшее образование, оказывали отчаянное сопротивление, оба испытали гнет комендатуры (когда Бельгер отчаянно молил майора Шевцова дать разрешение на выезд в Алма-Ату), Оскар после учебы в музыкальном училище делал тщетные попытки поступить в желанную консерваторию. Бельгер нарушал предписание комендатуры, поступая в КазПИ, а юный музыкант пошел на крайне рискованный шаг: он подкараулил Первого секретаря ЦК КП Л. И. Брежнева у автомобиля и, выскочив из кустов, вручил опешившему главе прошение поступить в консерваторию. Желание Оскара учиться на композитора у Брусиловского было сильнее всего, он знал, что Евгений Григорьевич добивался высоких результатов в подготовке композиторских кадров. Гейльфус знал также, что Брусиловский считал крайне необходимым при обучении композиции изучение музыкального фольклора, и первое, за что взялся Гейльфус- собрал и записал немецкие народные песни, создал их обработки для самодеятельных исполнителей.

Однажды Гейльфус услышал диалог между своим другом Наумом Шафером и дочерью композитора Михаила Михайловича Иванова-Сокольского Людмилой:

– Что вы здесь делаете? – удивлённо спросила она. – Кого ищете?
– Я... я ищу своего товарища, композитора Оскара Гейльфуса.
– Тоже мне... композитор... – У неё скривились губы. – Да он ещё музучилища не закончил! Кроме обработок немецких мелодий, я у него ничего не знаю. Не сомневаюсь, что композитором его обозвал Брусиловский. Этот Оскар повадился к нему ходить. Вероятно, наметил уже план: после окончания музучилища попасть в консерваторию, в класс Брусиловского. А Брусиловский именно таких и собирает: обработал парочку народных мелодий, сочинил какой-нибудь собственный пустячок, вот и композитор. Ну, загляните в класс Брусиловского. Ваш друг скорее всего там.

Гейльфус, действительно, повадился регулярно заявляться на квартиру к Брусиловскому, а иногда даже и в консерваторию, если тот не мог принять его дома. Интуитивно Гейльфус осознавал, что Брусиловский с интересом относится к его композиторскому творчеству. Но его угнетала мысль, что он не в состоянии предстать перед Брусиловским как полноценный исполнитель собственных сочинений.

– Так Вы, дорогой Оскар Гейльфус, оказывается, любите не только Дунаевского, но и Гретри?

– Кого-кого? – удивлённо спросил Гейльфус.

– Гретри! Вы что, не слышали такого имени?

– Н-нет..., Евгений Григорьевич, а это кто?

– Странно. Откуда же у вас взялся этот мелодический оборот... он же из этой фортепианной пьески... ну как её?.. Её же до революции играли во всех салонах... да и я сам.

В этот же день он взял в Пушкинской библиотеке «Музыкальный словарь» Римана, 1882 года издания.

– Мне нужен Гретри. Вот он. Та-а-ак... Ну и имечко у него – Андре Эрнест Модест. Прямо в рифму. Свои главные вещи он создал во второй половине XVIII века, а умер в 1813 году. Сочинил аж 60 опер! С ума можно сойти! Ни об одной из них не имею никакого представления: «Люсиль», «Говорящий портрет», «Двое скупых», «Земира и Азор», «Ревнивый любовник» и ещё пятьдесят пять. Кроме того – несколько симфоний и струнных квартетов, бесчисленное количество фортепианных пьес, да ещё и изрядное количество опусов для церковных хоров... но где же, где же, где же вся эта музыка? Стоило ли её сочинять, если она нигде не звучит? Мало того, что человек смертен и его облик постепенно тускнеет в памяти людей, так оказывается, что и от его творений ничего не остаётся. Где же всё это?

С такими мрачными мыслями он в очередной раз явился к Брусиловскому. Тот внимательно выслушал его и медленно, серьёзно заговорил:

– Это хорошо, что вы принялись философствовать не по пустякам. Значит, задумались над смыслом жизни. Когда об этом задумываешься в юности, а не в старости, то это хороший признак - налицо духовный рост. Очевидно, вы находитесь в состоянии внутренней борьбы за будущую насыщенную жизнь. Вы боитесь бесследно уйти, вы хотите что-то оставить в нашем бренном мире... Да... не так просто постигнуть умом и сердцем то, что невозможно увидеть глазами... Ну, а что касается Гретри, то не переживайте за него: он своё дело сделал. И вообще самое главное в нашей жизни – делать своё дело вне зависимости от того, насколько оно долговечно. Потомки разберутся.

А впрочем, что-то из мелодий Гретри вам уже известно, хотя вы не слышали его имени. Ведь не случайно же в ваш этюд залетел этот мелодический оборот...

– Это случайное совпадение! – запальчиво вскрикнул Гейльфус, заподозрив, что Брусиловский намекает на плагиат.

– Хорошо, я переделаю эти два такта.

– Этого ещё не хватало! Они у вас закономерно [вытекают из предыдущего](#) построения. А здесь у вас всё в порядке. Сколько раз вы в нашем театре слушали «Пиковую даму» Чайковского?

– Раз пять или шесть...

– Вот видите! Сколько раз вы слушали Чайковского, столько же слушали и Гретри.

– Не понял?..

– Ведь старая графиня перед своей смертельной встречей с Германом напевает романс Гретри из оперы «Ричард Львиное Сердце». Поняли? А теперь идите.

Гейльфус закончил в 1959 году консерваторию, класс композиции Брусиловского и позже там преподавал. В 1978 году он был удостоен звания «Заслуженный деятель искусств Казахской ССР».

Неожиданная встреча Бельгера и Гейльфуса произошла в небольшом продуктовом магазинчике. Писатель сразу подметил отрешенный, разочарованный и недоверчивый взгляд композитора - Гейльфус переживал не лучшие времена. После развала второго брака он остался с маленьким сынишкой на руках, потому дружеское участие со стороны Бельгера было особенно необходимо композитору в этот нелегкий этап жизни. Дома у Бельгера композитор поделился своей болью и отчаянием: «Творчество застопорилось. Всюду измены. Опоры нет. Никому нельзя верить. Ложь, обман, коварство, мрак и ужас». Теплое участие, умение слушать и ставить себя на место другого, со стороны писателя располагали к откровенности. Отныне композитор становится частым гостем в уютном доме Бельгеров. Он «понемногу растаял, подобрел, встрепенулся, заговорил о том, что на свете есть еще порядочные люди. Наладились его отношения с общими знакомыми - алматинскими немцами».

Духовная дружба питала их - визиты друг к другу, совместное посещение концертов, поездки, прогулки по тенистым улицам Алма-Аты. «Неуемный, беспокойной души» Оскар Гейльфус внушал симпатию и притягивал Герольда Бельгера. С годами он постигает тонкую, эмоциональную душу друга: «Художник по натуре, он бывал весь во власти своих чувств, импульсивен, впечатлителен, вспыльчив, порой мнителен и отходчив как ребенок, непоследователен. Увы, эти свойства тонкой натуры не всегда воспринимались».

Осси, сын Гейльфуса, часто оставался на попечении Раисы Закировны, когда его отец был занят делами. А работал Оскар Гейльфус много и плодотворно. Он являлся автором симфоний, ораторий, мелодий к драматическим спектаклям и кинофильмам. Подтянутый, подвижный, «легкий, живой, вдохновенный, обаятельный» он немало сделал на благо родного народа своей кипучей деятельностью, успевал многое, даже заботиться о престарелых родителях и маленьком сынишке. Но светлым дням пришел скорый конец. Наступил запланированный отъезд Оскара в Германию. В 1979 году композитор зашел к другу попрощаться. Они сидели за столом, растерянный Оскар “весь благостный, отрешенный”, утешал друга, что пробудет в ГДР недолго, обязательно вернется. Время было суровым к эмигрантам. После отъезда композитора сразу убрали: из репертуара театров, телевидения, радио – песни, симфонические произведения Гейльфуса, его имя было предано табу.

Единственное, что связывало эмигранта с родиной, это письма. Чужой в Германии композитор и сынишка переживали муки «безмерного одиночества». Особенно угнетала холодная стена непонимания со стороны коренных жителей. Письма в Алма-Ату рассказывали об издевательствах над Осей, которого дразнили в школе “Иваном”. Однажды учительница “Родного языка” в наказание за неверное произношение заклеила при всех мальчику рот пластырем. Беспомощность и дурное предчувствие звучали в письмах другу.

В письме поэтессе Норе Пфедфер в октябре 1980 года композитор делится тяжким предчувствием: «У меня такое ощущение, что я долго не проживу. Действительность убила во мне последнюю ноту, передайте привет всем, кто меня помнит». Гейльфус делится с другом, оставшимся в далекой и желанной Алма-Ате переживаниями, мыслями, планами, коим не суждено было сбыться. «Ты не представляешь, сколько я и все мы страдаем ежедневно... Возможно, поэтому я перестал сочинять» – это слова из последнего письма Оскара.

Часто Гейльфус взывал к другу: «Постарайся остановить тех, кто хочет повторить мою Одиссею». Оскар Гейльфус погиб в автокатастрофе, его осиротевшего сынишку Осси взяла на воспитание лютеранская семья в Германии. Печальная участь друга и соплеменников, не нашедших опоры на Земле отцов - фатерланде, наполнила писателя предубеждением против эмиграции, укрепила во мнении: «разметенный державной волей» во времени

и пространстве, должен оставаться сплоченным на земле Казахстана, вобравшей пот немецких тружеников. Для немцев Казахстан стал «Кіндік қаны тамған жер» – «землей, куда капнула кровь от их пуповины».

Видя безрадостную жизнь Гейльфуса в Германии, можно не согласиться с утверждением Н. Бердяева: «Мы творили от горя и страдания». Скорбь не укрепляет талант, не побуждает к творчеству, горе обессиливает. Любой творец черпает силы в простых радостях жизни.